

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКЕ СИБИРИ*

Игорь Стась

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

STUDIES OF URBAN IDENTITIES IN SIBERIAN URBAN HISTORY**

Igor Stas'

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

This article considers the main results of identity research on Siberian urban history. The author identifies the seven most extensively developed topics in studying the history of urban identities. The first topic focuses on the formation of a city's general identity in the initial stages of its formation. Historians aim to reveal the mechanisms of general city identification, as well as the sources, criteria, and values underlying the identity of a particular city. The second topic includes studies of the drift of urban production and industrial identities in the context of industrialization: quite often, it was industrial markers that determined the direction of a city's identification. The third topic covers the study of ethnicity in urban spaces. Historians reveal the reaction of ethnicity to processes of adaptation and acculturation. The fourth issue concerns the study of gender identity in the context of the masculine orientation of urbanisation processes. Historians focus on the study of mechanisms underlying the dominance of masculine culture in the urban environment and the development of the socio-cultural significance and functions of women, their limitations and emancipation. The fifth topic concerns the identification of social stratification in urban systems.

---

* Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, проект № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии».

** Citation: Stas', I. (2020). Studies of Urban Identities in Siberian Urban History. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561.

Цитирование: Stas' I. Studies of Urban Identities in Siberian Urban History // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 5. P. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561 / Стась И. Исследования городских идентичностей в исторической урбанистике Сибири // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1807–1821. DOI 10.15826/qr.2020.5.561.

Urban history gains new knowledge through studies which examine urbanisation as a factor of differentiation in urban society and classical structures of society (estates and classes), as well as in works on the identification of the middle class, social mobility, the formation of marginal groups, and vernacular culture. The sixth topic is expanded by works dealing with the historical imagology of the city. Images are forms of identity representations in cultural and public discourses. Therefore, in studying them, urban history today makes a practical contribution to the development of modern urbanism. The seventh topic focuses on the historiographical analysis of the identification research strategies of urban historians themselves. In the process of revealing urban identities, the research model should be based on a wide range of sources of a predominantly narrative nature and the anthropological approach. It seems appropriate to use the potential of memoirs, oral history, periodicals, fiction, and journalistic literature. Studies on the identity palette of Russian urban history go beyond purely historical issues and are based on deep interdisciplinary interaction.

Keywords: urban identity, gender, images, ethnicity, urban history.

Рассматриваются основные результаты исследований идентичности в сибирской исторической урбанистике. Автор выделяет семь наиболее разрабатываемых тем в изучении истории городских идентичностей. Первая концентрируется на раскрытии формирования общегородской идентичности в процессе начального становления городов. Историки стремятся выявить механизмы выстраивания общегородской идентификации, ее источники, критерии и ценности, на которых она строится в том или ином городе. Вторая включает исследования дрейфа городских производственно-отраслевых идентичностей в контексте индустриализации: нередко именно промышленные маркеры определяли путь общегородской идентификации. Третья тема охватывает изучение этничности в городских пространствах. Историки выявляют реакции этничности к процессам адаптации и аккультурации. Четвертая затрагивает исследования гендерной идентичности в контексте маскулинной направленности урбанизационных процессов. В центре внимания ученых – изучение механизмов доминирования маскулинной культуры в городской среде и раскрытие социокультурной значимости и функций женщины, ее ограничений и процесса эмансипации. Пятая тема посвящена выявлению социальной стратификации в городских системах. Урбан-история получает новое знание в исследованиях урбанизации как факторе дифференциации городского социума и классических структур общества – сословий и классов, а также в трудах по идентификации среднего класса, социальной мобильности, формированию маргинальных групп и вернакулярной культуры. Шестая расширяется за счет работ в рамках исторической имагологии города. Образы являются формами репрезентации идентичностей в культурном и публичном дискурсах, поэтому, изучая их, урбан-история сегодня вносит практический вклад в развитие современной урбанистики. Седьмая тема фокусируется на историографическом анализе идентификационных исследовательских стратегий самих урбан-историков. Исследовательская модель выявления

городских идентичностей должна базироваться на широком круге источников преимущественно нарративного характера и антропологическом подходе. Представляется целесообразным использование возможностей мемуаров, устной истории, периодики, художественной и публицистической литературы. Изучение палитры идентичностей в российской урбан-истории выходит за рамки сугубо исторической проблематики и основывается на глубоком междисциплинарном взаимодействии.

Ключевые слова: городская идентичность, гендер, образы, этничность, историческая урбанистика.

Современное исследование исторической урбанистики в России содержит несколько приоритетных тематических направлений, среди которых особенно выделяется область изучения идентичности и процессов идентификации, где происходит новое сближение истории с социокультурной антропологией, этнологией, культурологией и географией. Проблемы кросскультурных трансформаций становятся важнейшими в современном мире и приобретают особую актуальность в сибирском контексте [Человек в меняющемся мире].

Концептуализация идентичности характерна только для постсоветского научного сообщества. В предшествующие годы историческая наука практически не затронула практики идентификации, хотя с 1960-х гг. в этнографии появились работы, описывавшие самосознание этнических групп и индигенного населения. В новейших разработках истории сконцентрировались на периодах поздней империи и советского периода, которые обладают источниками, позволяющими успешно уловить идентичность современников.

Изучение феномена локального текста и идентичности связано в первую очередь с городами по следующим причинам: 1) каждый город, в отличие от деревни, обладает уникальностью – «лицом»; 2) локальная идентичность для городского сообщества имеет большую актуальность; 3) города значительно вовлечены в систему коммуникации, в силу чего настроены на самопрезентацию; 4) в городах развита сеть институтов, конструирующих и транслирующих локальную идентичность [Алексеевский, Ахметова, Лурье, с. 20].

Можно выделить несколько наиболее разрабатываемых тематик исследований процессов идентификации:

1. *Изучение формирования общегородской идентичности в процессе начального становления городов.* Историков интересует, через какие механизмы выстраивается общегородская идентификация, что является ее источником и на каких критериях и ценностях она строится в том или ином городе. На этапах городского становления идентификация реализовывалась в мечтательной и креативной форме, что социолог М. Кастельс назвал проектной идентичностью, когда социальные субъекты на основе культуры выстраивают новую идентичность, которая переопределяет их положение в обще-

стве и таким образом стремится к трансформации социальной структуры [Castells, vol. 2, p. 8].

Для изучения идентичности в контексте сибирской урбанизации исследователи особо рассматривают период 1960–1980-х гг., когда доминирование надлокальной идентичности (например, «сибирство») сменилось преобладанием поселенческих (город, село) и территориально-административных (область, край, республика, округ) идентичностей. В результате в новых урбанистических центрах мало проявлялся дух «сибирства», его символов и сибирских традиций, существовала оторванность от природы [Бороноев, с. 15]. «Мечтательные» формы идентификации при возведении нового города были нормой в период городскихстроек в Сибири в 1950–1970-х гг. [Салахова]. Мечта о Новом городе носила сюрреалистический характер («город как идея»), не была привязана к конкретным пространственным границам и являлась способом организации пространства и времени [ср.: Ефремова]. К подобным выводам приходит и И. А. Разумова на основании изучения Европейского Севера России. Анализ исторической ситуации в молодых городах способен прояснить, каким образом происходило рождение социокультуры, далеко не всегда преемственно связанной с иными этнолокальными очагами [Разумова, с. 153–154]. При этом городская идентификация продолжалась в среде постоянных мигрантов [Гонина, 2015]. Сценарии формирования общегородской идентичности пишутся посредством анализа практики реализации нормативно-законодательных документов, ведомственных решений и организации местного самоуправления. Поиск идентичности выступает преимущественно инструментом анализа [Плотникова].

2. *Исследование дрейфа производственно-отраслевых идентичностей в контексте индустриализации.* Идентификация горожанина со своим местом работы, предприятием и коллективом нередко была движущей силой обретения общегородской идентичности. В производственных стратегиях идентификации завод становился «вторым домом», а люди, говоря о себе, использовали не топографическое понятие (место проживания), а называли место работы. Н. В. Гонина окрестила это явление «патернализмом крупного предприятия». Но связанные с этим доминирующие производственные и профессиональные идентичности неизбежно дрейфовали в сторону развития личности посредством свободы от ограничений и поиска новых идентичностей в сферах не только производства, а в образовании, художественном творчестве, спорте, девиантном поведении. Происходил переход от патернализма и коллективизма к индивидуализации, осознанию самоценности личности и потребительской культуре [Гонина, 2014, с. 50].

Сопоставление с кейсами из исследований городов Европейского Севера России подтверждает этот дрейф. Сыктывкарские исто-рики указывали, что воркутинская идентичность базировалась

на социально-профессиональном фундаменте и шахтерской солидарности, а вот в Сыктывкаре, где население не было спаяно узлами социально-профессиональной солидарности и схожестью личных судеб, формирование общей идентичности происходило затруднительно [Шабаев, Рогачев, Рябинкин, с. 90].

Исследование городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса показывает, что производственная (ведомственная, микрорайонная) культура вела к формированию у жителей городов общинно-коммунального духа, более характерного для деревень и поселков. Большинство жителей городов нефтяников не идентифицировали себя как горожан. Мало было тех, кто мог спокойно себя назвать сургутянином, нижевартовцем или нефтеюганцем. В информационном, административном и даже поэтическом дискурсах фиксировалась организованная, а не естественная идентификация населения, базировавшаяся на отношении к труду – «трудящиеся», «рабочие», «работающие» – это в широком плане, а в более узком был задействован профессионально-отраслевой критерий – «нефтяники», «геологи», «строители», «газовики», «энергетики».

На протяжении 1960–1970-х гг. совокупность всех отраслевых идентичностей в нефтегазовом комплексе Западной Сибири едва образовывала категорию «горожане», потому что не сложилось постоянное городское население, находившееся скорее в мобильном состоянии и готовое уехать из региона в любой момент из-за плохих условий жизни. Улучшение инфраструктуры и жилищного строительства в 1980-х гг., увеличение естественного прироста населения привели к формированию общегородской идентичности.

Идентификационный дрейф показателен для северных промышленных центров, где миграционная текучесть предопределяла гибкость социальных локализаций. Там же, где миграционные потоки ослабевали, индустриальное освоение могло вести к большей связанности отраслевых и городских общностей. Исторической науке еще предстоит разрешить проблему социальных взаимодействий в сибирских городах в эпоху промышленного строительства. В этом контексте возникает вопрос о практиках идентификации населения в закрытых городах Сибири. Несмотря на фундаментальные исследования этих административно-территориальных образований, в том числе и в социокультурном аспекте [Реут], историография пока не дала на него ответа.

3. *Трансформации этничности в городе.* В условиях урбанизации и глобализации проблема сохранения этнической идентификации особенно актуальна. Она пересекается с этноязыковыми и религиозными адаптивными практиками горожан, с изучением трансформации интернациональной и наднациональной идентичности в городской среде.

Данная тема подразумевает, что главной исследовательской целью становится реакция этничности на всепоглощающие процессы адаптации и аккультурации. Это продемонстрировано в оригинальной кон-

цепции иркутских ученых об этнизации городских пространств, выступающей процессом актуализации этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями в конце XIX – начале XXI в. [Дятлов, Григоричев].

И здесь российский город представляет собой систему с дисперсным характером расселения этнических групп в пределах городской черты (в отличие, например, от американских поселений), что затрудняет его историко-этнографическое изучение. Для преодоления этого объективного барьера кемеровский исследователь В. В. Поддубиков призывает изучать этничность коренных народностей, этнические группы мигрантов, диаспоры в городах и то, как сохраняются или трансформируются их этническая идентичность, этнокультурные традиции, какая вырабатывается стратегия участия в смешанных браках [Поддубиков].

Наиболее продуктивной в сибирской историографии представляется проблема этнической идентификации коренных народов в условиях урбанизации. Л. Н. Хаховская выделяет следующие формы проявления аборигенной этничности в городе: обыденный (семья и друзья), публичный (этнические праздники и фестивали, форумы, СМИ) и профессиональный (чиновник, культработник, свободный художник, предприниматель). Демонстрация аборигенной культуры в городе уже не выступает как традиция, а является лишь ответом на общественный запрос «на экзотику», становясь тем самым частью элитарной культуры, создаваемой профессионалами [Хаховская, с. 56].

Однако, несмотря на актуализацию данной тематики, в историографии мало исследованы вопросы, связанные с состоянием этнической идентификации у коренных народов Сибири в контексте урбанизационного развития и национальной политики в период СССР. Политика коренизации в 1920–1930-х гг. рассматривается только в связи с деятельностью государственно-партийного аппарата без учета социальных и культурных трансформаций коренных национальностей. Такой вывод можно сделать при анализе основных трудов по истории хантов, манси, ненцев и других сибирских этносов в XX в.

4. *Исследование гендерной идентичности в контексте урбанизационных процессов.* Бурное городское развитие, как правило, порождается и протекает параллельно с интенсивной индустриализацией, когда создается градообразующая база, что, в свою очередь, определяет маскулинную направленность урбанизации. В центре исследований стоит изучение роли, и нередко – доминирования маскулинной культуры в городской среде; раскрытие социокультурной значимости и ограничений женских функций, а также процесса эмансипации.

Урбанизация в поздней империи вела к увеличению количества разводов и, вследствие этого, к росту количества одиноких женщин, которые были экономически и социально незащищенными. Ю. М. Гончаров доказал, что в городах имперской России осуществ-

влялся контроль над женской сексуальностью [Гончаров, 2011], которая являлась важнейшим проявлением гендерной идентичности.

Особенный интерес вызывает период 1920–1930-х гг., когда женщина обретала «новый образ». В оригинальных трудах М. В. Васехи раскрывается, что в эту эпоху городские женщины «подписали» новый гендерный контракт, когда они, получая «двойную занятость», должны были выполнять функцию «работающей матери»: нести обязанности матери – хранительницы семейного очага и работницы-общественницы [Васеха, с. 58].

Исследовательские сибирские кейсы показывают, что советский «этакратический» контракт уже в послевоенные годы не получал реализации, так как «в большинстве случаев женщины, создав семью, посвящали ее обеспечению все свое свободное время, отказываясь от обучения и самореализации вне домашнего очага» [Гонина, Вавиленко, с. 143]. Это, в свою очередь, вело к относительному росту материального благополучия, из-за чего распространилась практика сознательного ограничения деторождения. В исторических трудах по гендеру редко, но прописывается тенденция, что урбанизация Сибири 1950–1960-х гг. даже в малых городах постепенно формировала новую категорию женщин, которые активно пользовались благами городской жизни [Вавиленко, с. 11]. Задача выявления роли феминной культуры в развитии территориально-производственных комплексов Сибири ждет своего решения.

5. *Исследования социальной стратификации в городе.* Первостепенную нишу в этой теме занимают исследования сословий и классов в целях выявления их трансформации в условиях урбанизации. Однако значительный пласт этих трудов не затрагивает контекст урбанизации и городской среды. Нередко историки включают в границы урбанистических трудов, которые посвящены изучению социальных страт, но скорее принадлежащие к другим сферам исторической науки – экономической истории (история предпринимательства), социальной истории (история купечества, рабочих, интеллигенции) и т. д. Анализируя особенности городских слоев населения, историки зачастую не раскрывают системный и всеобщий урбанизационный процесс.

Конструктивным исключением являются комплексные исследования Ю. М. Гончарова, в которых раскрывается, что к началу XX в. сословное деление российского общества становилось анахронизмом, в городах постоянно появлялись новые категории населения, выделяемые по профессиональному признаку вне традиционной сословной системы [Гончаров, 2013, с. 129]. Весомым исследованием следует назвать монографию В. Г. Рыженко о городской интеллигенции Сибири 1920-х гг. [Рыженко, 2003]. Исследовательнице удалось репрезентовать не только традиционные характеристики интеллектуального сообщества, но и его сочленение с городским культурным пространством (благоустройством, символами, образами). Эпоха советских «шестидесятников» оказалась продуктивным полем для

анализа идентификационных стратегий по отношению к городскому образу жизни в моделях С. А. Рафиковой, на красноярском материале раскрывающей, что количество горожан было существенно меньше данных официальной статистики [Рафикова].

В историографии городских дифференциаций серьезной методологической проблемой является использование понятийного аппарата. Находясь под сильным влиянием социальной истории, в тематике городских стратификаций лишь эпизодически применяются понятия идентификационного анализа. Поэтому историки чаще уделяли вниманием не только урбанизацию и город как контекстуализирующий фактор дифференциации общества, но и появление маргинальных групп и вернакулярной культуры в городском пространстве вследствие социального разделения и неравенства. До сих пор не исследованы сценарии поселкового и деревенского образа жизни в структуре городского общества. Нет ответа о типах адаптации сельчан к городской среде. Эти антропологические проблемы могли бы стать стержнями для будущих исследовательских схем социальной стратификации в сибирской урбан-истории.

6. *Историческая имагология в городских исследованиях.* Поскольку урбанизация неизбежно ведет к формированию новых культурных пространств, центрирование которых происходит вокруг учреждений социальной сферы, культуры и спорта, парковых и символических мест, в приоритете исторической науки остается раскрытие всей палитры и иерархии идентичностей и образов в городской среде. Тема эволюции образов в данном случае может быть аккумулирующей для других направлений в комплексных исследованиях городских идентичностей.

Образы города являются важнейшим вербальным и визуальным источником познания процессов идентификации в истории, а также формами репрезентации идентичностей в культурном и публичном дискурсах. Именно дискурс-анализ становится эффективной методикой при изучении трансформации городских образов и знаковых локальных мест, процессов их производства и потребления в истории [Бреславский, 2012]. Современные исследования образа, в том числе в истории, стремятся познавать проблемы идентичности с точки зрения формирования бренда, который рассматривается как концептуальный конструкт, воспроизводящийся еще со второй половины XIX в. [Агеев].

Одним из наиболее успешных примеров исследования исторической урбан-имагологии является монография В. Г. Рыженко, которая в векторе интеллектуальной истории показала, как образы городов в условиях активной урбанизации возникают в виде конструкта интеллигентского сообщества, а затем закрепляются в исторической памяти горожан в форме легенд, мифов, литературных и изобразительных текстов [Рыженко, 2010]. По мнению М. Ю. Тимофеева, в промышленных городах именно представители местного интеллек-

туального сообщества выступают в качестве хранителей традиций и трансляторов местных мифологем [Тимофеев, с. 36].

Задача историков – включиться в процесс производства экспертного знания, предотвратив негативные социальные и политические эффекты от использования городской истории [Бреславский, 2011], то есть присоединиться к формированию городских брендов и идентичностей, что позволит усилить их качество и историчность. Тем самым, исследуя городские образы прошлого и настоящего, урбан-история вносит практический вклад в процессы разработки региональных культурных политик, брендингования, сохранения историко-культурного наследия и исторической памяти, обоснования туристических зон и инвестиционной привлекательности.

7. Историографический анализ самопонимания исторической урбанистики. Интерес к данной тематике вызван неоднозначным современным историческим сообществом, занимающимся изучением городов и урбанизации России, но все еще не имеющим выраженной самоидентификации в концепте исторической урбанистики, замкнутым в краеведческой локальности. Поэтому необходимы «автобиографические» работы, раскрывающие историко-урбанистическое наследие разных научных центров.

Впервые анализ состояния городских исследований в отечественной исторической науке был проведен в конце 1980-х гг. Именно тогда историки стали идентифицировать себя как историков-городоведов. В этом была большая заслуга Д. Я. Резуна, который назвал историографию городов Сибири новым термином «урбанистика» [Резун]. С 1990-х гг. институционализации исторической сибирской урбанистики способствовали Новосибирский, Барнаульский и Омский научные центры, которые пытались осмыслить новое направление посредством конференций и конкретно-исторических исследований [Исаев; Рыженко, 2006; Гончаров, 2005]. В 2014 г. такая попытка «самопонимания» была предпринята в Сургуте посредством заочного форума «Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города» [Баканов].

Накопленный историко-урбанистический бэкграунд остается фрагментированным и недостаточным для создания научной сети сибирских и российских урбан-историков. Идентификационная тактика содействует пониманию исторической урбанистики как социального феномена научного воспроизводства посредством деятельности исследователей с различными тождествами по отношению к научным школам, историческим направлениям и проблематикам.

Урбанизация рассматривается современной социально-гуманитарной наукой не только как социально-экономическое явление, но и как процесс формирования и интеграции городского сознания и образа жизни, без которых невозможно создание городской среды, но которые очень сложно воспроизвести в исторической ретроспективе. Главной задачей урбан-истории в области исследования процессов идентификации является определение факторов и меха-

низмов формирования, стратификации и образности идентичностей (проектных, производственно-отраслевых, этнических, гендерных и др.) в условиях урбанизации в разные исторические периоды.

Сложнейшей проблемой в урбан-истории остается разработка теоретико-методологической основы в исследованиях городских идентичностей. Удачную модель предложила О. С. Чернявская. Она заключается в рассмотрении процесса формирования идентификации в трех измерениях: 1) в физическом пространстве города посредством анализа индикаторов освоенности/неосвоенности, присвоенности/чуждости, детализации/схематичности, комфортности/неуютности, разнообразия/гомогенности, формальных/личных границ территории; 2) в информационном пространстве через выявление наличия позитивности/негативности и желаемости образа своего города, эмоционального отношения к нему, включенности в циркуляцию информации в нем, интереса к его истории; 3) в социальном пространстве за счет анализа ситуаций употребления самоназвания горожан, территориального сообщества, оснований для гордости, интереса к актуальным событиям и проблемам и к будущему города [Чернявская, с. 97–99]. Эта модель может быть работающей и в ретроспективных исследованиях.

Отечественные историки ограниченно используют методику социологических и антропологических деконструкций идентичности, при которых выделяются ее категории, атрибуты, нормы и правила, а также практики конкретных случаев взаимодействия сообществ. Зачастую отсутствует устоявшаяся в антропологической мысли ясность реализации жизненных личностных интеракций в широком спектре императивных/вариативных, реляционных/ситуативных, аномальных и других категоризаций идентичности.

Для построения исследовательской модели необходимо привлекать широкий круг источников, а также иметь концептуальную антропологическую базу для интерпретации фрагментарных источников. Представляется целесообразным использование возможностей мемуаров, устной истории, периодики, художественной и публицистической литературы, на основании которых можно раскрыть исторический процесс формирования городских идентичностей. Опираясь на мнение Д. С. Конькова, нельзя не согласиться, что при анализе этих источников необходимо выявить и структурировать личностные интенции автора источника (особенно это касается эго-источников) либо через раскрытие автором своей идентичности, либо через особенности структурного и лексического построения текста [Коньков, с. 81]. При этом не принципиально знать, кем является автор текста, важнее определить его принадлежность к той или иной культурной и социальной группе, для чего в источнике выделяются метафоричные и обыденные образы автора, идеалы и ценности, мотивы и желания, восприятие ими «своих» и «чужих», объекты критики и позитива, дискурс и контекст создания документа.

Эти категории, не прописанные открыто, скорее конструируются исследователем и сопоставляются в рамках позитивистской аналитики с фактологической информацией из нормативных, делопроизводственных, статистических и материальных источников. При изучении этих категорий, вероятно, окажется, что, в силу повышенной динамики урбанизма идентификация горожан движется с удивительной скоростью, когда в течение нескольких лет или даже месяцев доминирующие идентичности в городе меняются коренным образом под влиянием региональной или общегосударственной пропаганды, миграции больших масс, строительства новых районов, исторического контекста или каких-либо местных событий. Как правило, эти идентичности синтезируются с городскими образами, отраслями и профессиями, социальными и субкультурными группами. Некоторые городские идентичности могут быть императивными, жизнеспособными в долговременной исторической ретроспективе, особенно это характерно для априорной идентификации по этническим, мифологическим, религиозным, гендерным и возрастным критериям.

Таким образом, исследования палитры идентичностей в сибирской урбан-истории выходят за рамки сугубо исторической проблематики и базируются на глубоком междисциплинарном взаимодействии в контексте изучения формирования общегородской, производственно-отраслевых, этнических, гендерных и других идентичностей, их стратификации, пространственного и образно-дискурсивного воспроизводства. Раскрытие разнообразия идентификационных форм в условиях урбанизации обеспечивается только путем теоретико-методологического моделирования и интерпретации фактов и нарративов, основанных на широком источниковом материале.

Список литературы

Агеев И. А. Брендинг города и региона как средство формирования территориальной идентичности: исторический опыт сибирских городов // Вестн. науки Сибири. 2015. № 2 (17). С. 155–163.

Алексеевский М. Д., Ахметова М. В., Лурье М. Л. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 16–25.

Баканов С. А. Историческая урбанистика в России заявляет о себе // *Magistra Vitae* : электрон. журн. по историческим наукам и археологии. 2016. № 2. С. 198–201. DOI 10.24411/2542-0275-2016-00027.

Бороноев А. О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь : Проблемы сибирской идентичности. СПб. : Астерион, 2003. С. 9–20.

Бреславский А. С. Городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ // Урал. ист. вестн. 2011. № 1 (30). С. 102–105.

Бреславский А. С. Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991–2011 гг.). Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 156 с.

Вавиленко А. Ю. Модернизация труда и быта женщин малого сибирского города в 1959–1979 гг. (на материалах г. Боготола) // Гендерные исследования в гуманитарных науках : сб. ст. по материалам III междунар. заоч. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2015. С. 5–13.

Васеха М. В. «Новая советская женщина»: конструирование образа в 1920-е годы (по материалам юга Западной Сибири) // Вестн. РФФИ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2 (87). С. 57–67.

Гонина Н. В. Трансформация социокультурной идентичности горожан в условиях индустриализации во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. (на материалах Ангаро-Енисейского региона) // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2014. № 1. С. 49–56.

Гонина Н. В. Синдром полярной идентичности: норильчанин между Севером и Югом // Идентичность и миграция в меняющемся мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы междунар. междисциплинар. конф. Екатеринбург : Урал. федер. ун-т, 2015. С. 95–104.

Гонина Н. В., Вавиленко А. Ю. Многодетная мать в восточносибирском городе: провинциальные аспекты демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 16. 2017. № 1. С. 135–147.

Гончаров Ю. М. Барнаульская школа исторического городоведения // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. : сб. науч. тр. Барнаул : Аз Бука, 2005. С. 30–40.

Гончаров Ю. М. Одинокие женщины в городах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. исследования. 2011. № 2. С. 142–148.

Гончаров Ю. М. Проблемы изучения социальной стратификации населения городов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2013. № 4–1. С. 124–130.

Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 8–19.

Ефремова Е. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Исаев В. И. Проблемы изучения истории становления индустриально-урбанистического общества в Сибири // Гуманитар. науки в Сибири. 2010. № 1. С. 17–20.

Коньков Д. С. Нужна ли идентичность истории: к критике концепции идентичности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2016. № 409. С. 79–84. DOI 10.17223/15617793/409/12.

Плотникова М. М. Формирование коллективной идентичности в городах Восточной Сибири в конце XVIII – начале XIX в. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2014. 191 с.

Поддубиков В. В. Этнокультурное пространство российского города: некоторые проблемы этнологического исследования // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 137–147.

Разумова И. А. Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148–156.

Рафикова С. А. «Шкала идентификаторов горожан» как метод качественных урбанистических исследований // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 13. 2014. № 1. С. 115–122.

Резун Д. Я. Современная урбанистика и сибирское городоведение XVII – первой половины XIX вв. // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX вв. Новосибирск : Наука, 1987. С. 222–247.

Реут Г. А. Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск : Красноярск. гос. аграр. ун-т, 2012. 349 с.

Рыженко В. Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2003. 370 с.

Рыженко В. Г. Сибирское городоведение рубежа XX–XXI веков: поиски подходов к изучению культурного пространства города // История и культура городов

России: от традиции к модернизации : материалы Всерос. науч. конгр., посв. 290-летию г. Омска (Омск, 12–14 октября 2006 г.). Омск : Наука, 2006. С. 14–17.

Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2010. 340 с.

Салахова Л. М. Мечта о Новом городе: привязка к местности и обстоятельствам // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2013. № 2–2. С. 44–52.

Тимофеев М. Ю. Города и регионы России как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт : журн. соц.-гуманитар. исслед. 2013. № 5. С. 29–41.

Хаховская Л. Н. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сиб. ист. исслед. 2014. № 2. С. 39–59.

Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : программа и тезисы. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2014. 328 с.

Чернявская О. С. Изучение идентичности горожан // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 96–102.

Шабаетов Ю. П., Рогачев М. Б., Рябинкин Г. С. Антропология города: культурное пространство столицы Коми и городская идентичность // Человек. Культура. Образование. 2012. № 2. С. 85–94.

Castells M. The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture : 2 Vols. West Sussex : Wiley-Blackwell, 2010. Vol. 2. 538 p.

References

Ageev, I. A. (2015). Branding goroda i regiona kak sredstvo formirovaniya territorial'noi identichnosti: istoricheskii opyt sibirskikh gorodov [Branding of the City and Region as a Means of Territorial Identity Formation: The Historical Experience of Siberian Cities]. In *Vestnik nauki Sibiri*. No. 2 (17), pp. 155–163.

Alekseevskii, M. D., Akhmetova, M. V., Lur'e, M. L. (2010). Issledovaniya goroda [City Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 16–25.

Bakanov, S. A. (2016). Istoriicheskaya urbanistika v Rossii zayavlyayet o sebe [Urban History in Russia Speaks about Itself]. In *Magistra Vitae. Elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii*. No. 2. pp. 198–201. DOI 10.24411/2542-0275-2016-00027.

Boronov, A. O. (2003). "Sibirstvo" kak forma territorial'noi identichnosti ["Siberia" as a Form of Territorial Identity]. In *Sibir'. Problemy sibirskoi identichnosti*. St Petersburg, Asterion, pp. 9–20.

Breslavskii, A. S. (2011). Gorodskaya istoriya, istoricheskii diskurs, kriticheskii diskurs-analiz [Urban History, Historical Discourse, Critical Discourse Analysis]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 1 (30), pp. 102–105.

Breslavskii, A. S. (2012). *Postsovetskii Ulan-Ude: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991–2011 gg.)* [Post-Soviet Ulan-Ude: Cultural Space and Images of the City (1991–2011)]. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 156 p.

Castells, M. (2010). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture*. 2 Vols. West Sussex, Wiley-Blackwell. Vol. 2. 538 p.

Chelovek v menyayushchetsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noi adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya. Programma i tezis [Man in a Changing World. Issues of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methods, and Practices of Research. Programme and Theses]. (2014). Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 328 p.

Chernyavskaya, O. S. (2012). Izuchenie identichnosti gorozhan [A Study of Citizens' Identity]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. No. 2 (26), pp. 96–102.

Dyatlov, V. I., Grigorichev, K. V. (2014). Sibir': dinamika etnizatsii gorodskogo prostranstva pereselencheskogo obshchestva [Siberia: The Dynamics of Urban Space Ethnicisation in Migrant Societies]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. Vol. 10, pp. 8–19.

Efremova, E. (2015). "Zdes' budet gorod-sad": utopicheskii obraz goroda v zavodskoi gazete Uralmasha [Here Will be a Garden-City: Utopian Image of a City in the Uralmash Plant Newspaper]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/qr.2015.4.126.

Goncharov, Yu. M. (2005). Barnaul'skaya shkola istoricheskogo gorodovedeniya [The Barnaul School of Local Urban History]. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX vv. Sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul, Az Buka, pp. 30–40.

Goncharov, Yu. M. (2011). Odinochie zhenshchiny v gorodakh Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Single Women in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. No. 2, pp. 142–148.

Goncharov, Yu. M. (2013). Problemy izucheniya sotsial'noi stratifikatsii naseleniya gorodov Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Issues of Studying the Social Stratification of the Population of Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4–1, pp. 124–130.

Gonina, N. V. (2014). Transformatsiya sotsiokul'turnoi identichnosti gorozhan v usloviyakh industrializatsii vo vtoroi polovine 1950-kh – nachale 1980-kh gg. (na materialakh Angaro-Eniseiskogo regiona) [The Transformation of Social and Cultural Identity of Citizens in the Conditions of Industrialisation in the Second Half of the 1950s – Early 1980s (with Reference to Angara-Yenisei Region)]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*, No. 1, pp. 49–56.

Gonina, N. V. (2015). Sindrom polynoi identichnosti: noril'schanin mezhdru Severom i Yugom [The Polar Identity Syndrome: Norilsk between North and South]. In *Identichnost' i migratsiya v menyayushchemsya mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya. Materialy mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii*. Yekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet, pp. 95–104.

Gonina, N. V., Vavilenko, A. Yu. (2017). Mnogodetnaya mat' v vostochnosibirskom gorode: provintsial'nye aspekty demograficheskogo perekhoda (vtoraya polovina 1950-kh – nachalo 1980-kh godov) [Mother of Many Children in an East Siberian City: The Provincial Aspects of the Demographic Transition (Second Half of 1950s – Early 1980s)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 16. No. 1. pp. 135–147.

Isaev, V. I. (2010). Problemy izucheniya istorii stanovleniya industrial'no-urbanisticheskogo obshchestva v Sibiri [Issues of Studying the History of the Formation of Industrial and Urban Society in Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1. pp. 17–20.

Khakhovskaya, L. N. (2014). Aborigeny v gorode: etnokul'turnyi oblik zhitelei Magadana [Indigenous People in the City: The Ethno-Cultural Appearance of the Inhabitants of Magadan]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 39–59.

Kon'kov, D. S. (2016). Nuzhna li identichnost' istorii: k kritike kontseptsii identichnosti [Do We Need an Identity for History: Critique of the Concept of Identity]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 409, pp. 79–84. DOI 10.17223/15617793/409/12.

Plotnikova, M. M. (2014). *Formirovanie kollektivnoi identichnosti v gorodakh Vostochnoi Sibiri v kontse XVIII – nachale XIX v.* [The Formation of Collective Identity in the Cities of Eastern Siberia in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 191 p.

Poddubikov, V. V. (2010). Etnokul'turnoe prostranstvo rossiiskogo goroda: nekotorye problemy etnologicheskogo issledovaniya [The Ethno-Cultural Space of the Russian City: Some Problems of Ethnological Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 137–147.

Rafikova, S. A. (2014). "Shkala identifikatorov gorozhan" kak metod kachestvennykh urbanisticheskikh issledovaniy [The "Identification Scale of City-Dwellers" as a Method of Qualitative Urban Studies]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 13. No. 1. pp. 115–122.

Razumova, I. A. (2010). Issledovaniya goroda [City Research]. In *Antropologicheskii forum*. No. 12, pp. 148–156.

Reut, G. A. (2012). *Zakrytye administrativno-territorial'nye obrazovaniya Sibiri: sotsializm za kolyuchei provolokoi* [The Closed Administrative Territorial Formations of Siberia: Socialism behind Barbed Wire]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. 349 p.

Rezun, D. Ia. (1987). *Sovremennaiia urbanistika i sibirskoe gorodovedenie XVII – pervoi poloviny XIX vv.* [Modern Urban Studies and Siberian Urban History of the 17th – First Half of the 19th Centuries]. In *Istochnikovedenie i istoriografiia gorodov Sibiri kontsa XVI – pervoi poloviny XIX vv.* Novosibirsk, Nauka, pp. 222–247.

Ryzhenko, V. G. (2003). *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodov issledovaniya* [Intellectuals in the Culture of a Large Siberian City in the 1920s: Questions of Theory, History, Historiography, Research Methods]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. M. Dostoevskogo. 370 p.

Ryzhenko, V. G. (2006). *Sibirskoe gorodovedenie rubezha XX–XXI vekov: poiski podkhodov k izucheniiu kul'turnogo prostranstva goroda* [Siberian Urban Studies at the Turn of the 21st Century: In Search for Approaches to the Study of the Cultural Space of the City]. In *Istoriya i kul'tura gorodov Rossii: ot traditsii k modernizatsii. Materialy Vserossiiskogo nauchnogo kongressa, posvyashchennogo 290-letiiu goroda Omska (Omsk, 12–14 oktyabrya 2006 g.)*. Omsk, Nauka, pp. 14–17.

Ryzhenko, V. G. (2010). *Obrazy i simvol'y sovetskogo goroda v sovremennykh issledovatel'skikh opytakh: regional'nyi aspekt* [Images and Symbols of the Soviet City in Modern Research: The Regional Aspect]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. M. Dostoevskogo. 340 p.

Salakhova, L. M. (2013). *Mechta o Novom gorode: privyazka k mestnosti i obstoyatel'stvam* [The Dream of a New City: Binding the Place and Circumstances]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. No. 2–2, pp. 44–52.

Shabaev, Yu. P., Rogachev, M. B., Ryabinkin, G. S. (2012). *Antropologiya goroda: kul'turnoe prostranstvo stolitsy Komi i gorodskaya identichnost'* [The Anthropology of the City: The Cultural Space of the Capital of Komi and Urban Identity]. In *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. No. 2, pp. 85–94.

Timofeev, M. Yu. (2013). *Goroda i regiony Rossii kak (post)industrial'nye brendy* [Cities and Regions of Russia as (Post)Industrial Brands]. In *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. No. 5, pp. 29–41.

Vasekha, M. V. (2017). “Novaya sovetskaya zhenshchina”: konstruirovaniye obraza v 1920-e gody (po materialam yuga Zapadnoi Sibiri) [The “New Soviet Woman”: The Construction of the Image in the 1920s (Based on the Materials of the South of Western Siberia)]. In *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. No. 2 (87). pp. 57–67.

Vavilenko, A. Yu. (2015). *Modernizatsiya truda i byta zhenshchin malogo sibirskogo goroda v 1959–1979 gg. (na materialakh g. Bogotola)* [The Modernisation of Labour and the Life of Women in a Small Siberian City in 1959–1979 (with Reference to the Town of Bogotol)]. In *Gendernye issledovaniya v humanitarnykh naukakh. Sbornik statei po materialam III mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Novosibirsk, SibAK, pp. 5–13.

The article was submitted on 11.11.2019